

ГЛАВА 7

Демон и Блок

Выше мы говорили, что самым высоким призванием человека на наш взгляд является служение. Не работа по правилу: отработал – свободен; и не труд под лозунгом (*): сделал – получил, но облагораживающее душу служение. Неслужащий писатель для нас все равно, что нестроевой солдат, или так называемый стройбатовец, которому не доверяют оружия, но дают лопату копать землю от забора и до обеда. Могут сказать, что любой творческий человек непременно служит, что творения без служения не бывает. Но мы в который уже раз подчёркиваем, что говорим об общественной службе, а служение звуковым волнам и пение незнакомым прекрасным дамам оставляем поэту Блоку.

Опять скажут: «А разве он не служил обществу? Разве названия его сочинений «О назначении поэта», «Интеллигенция и революция» не говорят о пристальном внимании Блока к общественной жизни? И чем вам Блок не угодил?»

Лучше бы вы, читатель, последнюю статью не упоминали. Она вся исходит клокочущей внутри поэта злобой и заканчивается словами: «За душевностью кровь. Душа кровь притягивает. Борьба с ужасами может лишь дух. К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию». (**). И после этих слов вы меня спрашиваете, чем мне не угодил поэт Блок? Этот его призыв сейчас, когда знаешь, что «душевностью», стоящей на пути к «духовности» оказались десятки миллионов погибших в русской революции людей, читать страшно. Так какому же обществу служил поэт Блок?

«Не понимаем вас, батюшка? Одно у нас общество – российское. А для людей с более широкой душой и кругозором (***) даже не российское, но единое мировое сообщество».

(*) «Лозунг (нем.) – военное слово для опознания часовыми своих при входе и выходе ночью из места расположения войска. Пароль, лозунг и отзыв отдаются на одну начальную букву, для облегчения памяти». В.И. Даль.

(**) Через три с половиной года после написания этих слов, в августе 1921 года Блок умер в тяжелейшем душевном расстройстве. Говорят, что перед смертью он дико кричал в своей квартире на набережной реки Пряжки. В юношеские годы мне довелось побывать в той квартире, ставшей музеем А.А.Блока. Но не столько квартира меня интересовала, сколько окна, в которых поэт увидел: «Ночь, улица, фонарь, аптека». Примечание 2013 года: Стихотворение написано в Нидерландах в г.Лейдене.

(***) И кошельком... Простите, что перебил.

Моё сообщество – христианское. И мне, христианину, заповедано: *Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире (1Ин.4:1)*. Как же их испытывать? *Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире (1Ин.4:2-3)*.

«Но, позвольте, ведь Блок – христианин».

Где же он исповедовал своё христианство? Неужели в той церкви, в которую ходили только потому, что обязаны были в неё ходить? Или в той жизни, которая для многих христиан-книжников, христиан-фарисеев и христиан-язычников была отделена от Церкви задолго до декрета об этом отделении? И потом, неужели веру во Христа можно чистосердечно исповедовать даже тогда, когда тебя обязывают это делать каждый год?

«Откуда вам известно, какая вера была в их сердцах? Может, любой русский поэт был чистосердечнее всех нас вместе взятых, а вы их книжниками, фарисеями, язычниками... За что?»

Читатель, давайте разбираться, какой смысл мы вкладываем в слово «чистосердечный»? Евангельский? Повседневный? Повседневность пусть нас интересует меньше всего. Пусть нас волнует только вечный смысл, по которому мы будем держать ответ перед Богом, и этот смысл – в Священном Писании: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф.5:8). По Евангелию чистосердечие это – сердечное *видение* Бога. А что такое «чистосердечие» в житейском смысле? Сегодня оно одно, завтра – другое, и легко видеть, как век от века оно мутнеет. От пушкинского чистосердечия, о котором мы ещё поговорим, через блоковское чистосердечие к чистосердечию союза советских писателей не прошло и полутора столетий. Поэтому, если мы хотим говорить о чистосердечии, искренности, человечности и прочих высоких качествах, то должны иметь начальную точку их отсчёта, и она – в Евангелии. Не будет Евангелия перед глазами – собьёмся с пути. Поэтому восторги о чистоте, красоте и высоте безотносительно к Евангелию оставим за пределами этих страниц. Нас восторги, слава Богу, уже не обманывают.

«Я клянусь, душа моя чиста». На эти чистосердечные слова поэта Рубцова священник мог бы сказать только одно: «Вы, Николай, в опасной прелести». (*)

(*) «Так сказал бы опытный священник только человеку воцерковленному и уже сколько-то умудренному, а невоцерковленному никогда бы не сказал, но бережно и медленно вел бы душу, возился бы с ней как с младенцем, получал бы за это одни шишки, терял силы и здоровье, и все это медленно и осторожно потому, что понятие чистоты сразу не открывается, до него надо дорасти, - сказали автору читатели. - И вот вам еще из Лествицы: «Видел я неискусного врача, который больного скорбного обесчестил, и тем ничего более для него не сделал, как только ввергнул его в отчаяние. Видел я искусного врача, который надменное сердце резал уничижением, и извлек из него весь смрадный гной (26:26)». Что ответил автор? Пусть я неискусен, но кто-то же должен начать резать. Пусть я неискусен, но другие, научившись на моём неискусстве, будут искуснее. И повторяю: я режу тексты, а не людей, режу литературу, потому что лучше быть зарезанной литературе, чем писателю как человеку и всем тем, кто его читает и почитает.

Итак, каково было чистосердечие, и какая была вера в сердце каждого из тех 85 % населения Российской империи, кто составлял крестьянское сословие, никто, конечно, не знает. Но это и не важно знать, потому что тело всегда только выполняет, что ему приказывает голова. Что же было в «голове» народного тела, и какова была вера в сердцах тогдашних российских книжников, об этом лучше них самих говорят их сочинения. По сочинениям, этим «зеркалам» эпох и писательских душ можно судить, какой дух – от Бога ли

он? – водил пером писателя. По сочинениям, как по исповедам, но не тем, которые они в обязательном порядке приносили в церкви, а тем, которые из глубин своих душ, можно судить, как люди, поставившие писательство во главу своего жизненного угла, исповедовали Иисуса Христа пришедшего во плоти.

«Зеркало» эпохи. Я потому взял в кавычки это слово, что если можно назвать писателя зеркалом эпохи, то зеркалом опосредованным, потому что всякий художник отражает не столько время, сколько дух, к которому обращено его сердце. Но отклик, какой находят его книги в обществе, свидетельствует о духовном состоянии общества.

Толстой – зеркало русской революции? Это так и не так. Писатель Л.Н.Толстой – зеркало демона русской революции, которого он отразил в своих сочинениях и которого слушал всем своим сердцем задолго до Блоковского призыва. Но не будь того широкого всенародного отклика на его сочинения, которое выразилось в толстовстве, никаким зеркалом жизни Толстой бы не был.

Телевидение – зеркало нашей эпохи? С одной стороны это так, потому что оно снимает нашу, а не какую-то другую эпоху. Но с другой стороны, это не так, потому что весь вопрос в том – как телевидение её снимает. Эпоха необъятна, эпоха неотразима, эпоха многолика, но выхватываются из неё только те фрагменты, которые отражают что? Вкусы публики? Важнейшие события? Последние новости? Да и они тоже, но прежде всех них телевидение отражает демона, слышанного Блоком.

Вспомним наш пример с телевизором и поставленными перед ним крестьянами. Век назад не крестьяне только, но даже Толстой, как мне кажется, в ужасе бы перекрестился, покажи ему нынешнее ТВ. Точно так за 100 лет до Толстого в ужасе закрыли бы некоторые его сочинения даже самые просвещённые просветители, не вынеся отражения того тёмного демона, пришествие которого они усердно готовили.

Но если они готовили «воплощение» революционного демона в русском народе, то почему бы Толстой испугался телевизора, а просветители – Толстого? Потому что лжец скрывается под соблазнительными масками света, любви, знания, красоты, свободы, а лицо его – лицо безобразной смерти.

Я сказал: безобразной смерти? Но ведь и на смерть можно смотреть с восхищением. Гоголь, например, был мастером таких описаний. «Он подошел ко гробу, с робостию посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз: Такая страшная, сверкающая красота! Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному попереживающему себе чувству, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз. В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами».

И чем слепее, чем невосприимчивее к духу Евангелия становится общество, тем откровеннее ему показывается демонское отражение. Т.е. оно всё также скрывается под обманчивой маской добра, но маска всё более истончается, всё ближе момент истины, всё менее действенны молитвы святых, всё ближе третья и последняя ночь Хомы Брута (*), всё выше поднимаются веки вия и раздаётся его крик: вот он!

(*) Многоговорящее имя у этого персонажа. Фома неверующий? И ты, Брут? Предателем кого или чего оказался философ Хома Брут? Семинарии? Веры? Бога? И чем он их предал? Неизменной люлькой во рту и походами к булочнице «против самого Страстного Четверга»?

Я могу только догадываться, что такое «поход к булочнице», но Гоголь-то точно знал, что в Великий Четверг вспоминается Церковью Иудино предательство.

Вий и Есенин

Гоголевский «Вий» впервые увидел свет в сборнике повестей под названием «Миргород». У Есенина тоже есть свой «Железный Миргород» – краткое повествование о городе Нью-Йорке. Но не одно только это удачно обыгранное название сближает Есенина с Гоголем. В качестве критико-лирического отступления хочу предложить читателю разбор одного есенинского четверостишья, написанного поэтом в 1921 году.

«Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

Написано с есенинской «ухватистой» силою. «Посетившему твердь». В этих двух словах – половина моих воскресных проповедей о смысле земной жизни, и половина наших рассуждений о реальности-виртуальности миров.

«Сердце шепчет»? Не Ангел ли хранитель? Не к нему ли с таким же ответным «друг мой, друг мой» обращался поэт незадолго до смерти «я очень и очень болен»? И в последний раз в «Англетере»: «До свидания, друг мой, до свидания...»?

«Прозревшие вежды». Вежды, конечно, прозреть не могут, потому что вежды это – веки, закрывающие и открывающие глаза. Но данная поэтическая вольность вполне уместна. Тем более, что и в Псалтыри есть выражения, в которых «вежды» тоже не отвечают своему прямому значению: *очи Его на нищяго призираете, вежды Его испытаете сыны человеческия* (Пс.10:4); и: *аще дам сон очима моима и веждама моима дремание* (Пс.131:4). В 10-м Псалме слово «вежды» даже более значимо, чем «очи»: очи всего лишь призирают, а вежды – испытуют. Дело тут, как мне кажется, в том, что «вежды» и «ведение» – однокоренные слова. Смотрите В.И.Даля, который и слово «вежливость» из этого же корня производит. Это нам, новым русским, уже едва различима их однокоренность. А Есенин писал все эти слова через «ять»: вѣжды, вѣдать, вѣжество, что значит «знание, образование, хитрость». «Вий», собственно, и значит по-украински «веко». Но это так, мелочи по ходу дела. Читаем дальше.

«Прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть». Можете считать мои дальнейшие слова вымыслом, уважаемый читатель, я потому и выбрал декорацией для чтения этого есенинского четверостишья сказочную картину «Вия», чтобы они ещё более походили на сказку, но из слов поэта «прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть» следует, что Есенин видел вия, и вий ткнул в него своим железным пальцем. Поэт, по собственному своему признанию, прозрел, но «прозрел» в смерть.

«Опять эти кавычки, - думает, наверное, читатель. Сколько же можно?»

Но я-то как раз хочу все кавычки снять, хочу избавить читателей от всех кавычек, хочу извлечь слова на Божий свет. И в этом свете видно, что действительно, т.е. без кавычек прозревшие вежды смерть закрыть не может, потому что *истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек* (Ин.8:51).

Что же выходит из сопоставления слов Есенина со словами Господа? Если учесть ещё одно признание поэта, что «я сердцем никогда не лгу», то выходит, что слова, которые ему прошептало сердце в 1921 году, есть слова итоговые.

Итоговые? В каком смысле итоговые? А вот здесь: стоп. Здесь литература кончается. Если до сей черты я имел право и даже обязанность говорить о поэзии Есенина, то далее не имею. Потому что, хотя я вроде как литературный критик с дипломом государственного образца 1993 г., хотя и священник, читающий художественно приукрашенную публичную исповедь и уполномоченный Господом через Архиерейское рукоположение изрекать на её счёт какое-то мнение (*), но далее молчание, потому что литература и исповедь здесь кончаются, и начинается черта, за которую, не дай мне Бог, переступить (ср. Исх.19:12).

Но поражаешься безверию русских книжников. Ведь всё просто: поверь, и глаза твои откроются. Обратись ко Господу со слёзным криком: Сыне Давидов! помилуй мя. Несмотря ни на что, ни на толпу, заставляющую тебя молчать, ни на обстоятельства, препятствующие тебе к Нему пробиться, ни на литературные круги, ни на высший и низший свет, оставь их, брось, как мишуру, и твёрдо скажи Ему, что не хочешь от Него ни славы, ни денег, ни пошлого самовыражения, ничего другого, только одного: Господи, да прозрю... Тогда и только тогда *Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя* (Лк.18:42).

Но нет этого, не было, или «было да уплыло», и – «прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть». Но Бог судия, ни я. Потому что *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога* (1Кор.4:5).

Всклипнуть иной раз, конечно, можно и слезу уронить о «золотой сорви-голове», но отстаивать, но оправдывать, но восторгаться поэзией Есенина, видя на ней сверкающий страшной красотой богохульный венец «Инонии», и уверять себя и других, что поэт как «поверил от рожденья в Богородицын покров» (**), так до смерти продолжал в него верить – дело, превышающее мою меру.

(*) После этих речей о себе автору сказали: «Ни диплом, ни мантия, ни священнические ризы не спасут и не защитят». Кто бы спорил, но дело-то в другом. Как-то раз, придя в издательство с рукописью, я был сражён вопросом: а кто вы такой? Я растерялся. Кто я такой? Человек, священник, автор. «Принёс заметку про вашего мальчика». Какая у вас степень, образование? Ах, вот вы о чём, сообразил я, наконец. Поэтому, чтобы на страницах своего романа не попасть в подобный просак, я вынужден себя так нескромно представить, желая сказать только одно: с этого боку нас голыми руками не возьмёшь.

(**) Имеется в виду книга протоиерея Вячеслава Винникова «Я поверил от рожденья в Богородицын покров».

Рой нечисти и Гоголь

Но вернёмся к нашим зеркалам. У Есенина, кстати, тоже было зеркало в «Чёрном человеке». Эта поэма до сих пор для меня притягательна, но я уже боюсь в её тёмную глубину всматриваться. Если бы «зеркало» и «чёрный гость» были только поэтическими образами, я, быть может, раскрыл бы её на досуге. Но от образа до реальности даже не четыре, как поётся в песне: «до смерти четыре шага», а всего лишь один шаг.

И для Есенина то были уже не образы, но реальность. В чьих-то воспоминаниях о поэте я читал, что его заставляли сидящим перед зеркалом в цилиндре и с тростью. Значит, он видел этого чёрного человека и разговаривал с ним, уже путая к концу поэмы себя и его? Бр-р-р, мурашки по коже. (*)

Тёмное зеркало. Странное выражение. Что можно увидеть в зеркале, отражающем темноту? Стоит задача: увидеть смерть. Не испугаться её и не отвести взгляда, но посмотреть на неё так, чтобы и она увидела нас. Её вежды, опущенные до земли, поднимут в нужный момент, и мы должны встретиться с её взором. Для этого наши глаза должны привыкнуть к темноте и ничего не бояться.

«Какие страшные слова говорит батюшка, - думает, наверное, читатель.- Можно ли так пугать бедных христиан? Что позволительно сказочнику Гоголю и хулигану Есенину (**), то не следует делать священнику. Его задача утешать и ободрять».

(*) «Ну и что? Видел. Только не черного человека. В глазах своих он видел бесов – чуждое в самом себе, - сказали автору читатели. - А вы легкомысленно и легковесно пишете об этом по чьим-то словам с холодным апломбом. И при этой поверхностности не скупитесь на эпитеты, почти на ругань». Что ответил автор? Дорогой читатель, вы, наверное, не понимаете, о чём я веду речь? Я говорю, что Есенин разговаривал с бесом, и всякий, кто читает «Черного человека» вступает в общение с этим бесом.

(**) «Как вы можете после слов о себе как дипломированном, рукоположенном, уполномоченном и т.д. и т.п. так выражаться?» - сказали автору после прочтения этой главы в рукописи. Почему же не могу? Во-1-х, Есенин сам себя хулиганом называл. А во-2-х, хоть бы и не называл, то после стихов «Тело, Христово Тело выплёвываю изо рта...» поэта Есенина следовало бы не хулиганом назвать, но анафематствовать. Я, можно сказать, по голове его глажу, и резкими словами о его творчестве, глядишь, участь его вечную облегчаю, а тех немногих, кого мне удастся отвадить от его поэзии, отвращаю от заблуждения. *Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак.5:19). Может, и часть есенинских грехов мы покроем, если скажем о его творчестве то, что боятся сказать многие, и что он сам хотел бы сейчас сказать, да не может. Но обратите внимание, как слаженно работает бесовская пропаганда. Все до того привыкли к богохульству, что слова теперь сказать нельзя о том, что очевидно. Целый век плюют в лицо церкви, а мы молчим и даже восторгаемся поэзией богохульника. Доколе это будет длиться? Доколе Христос Бог нас не выплюнет (ср.Откр.3:16).

Так я, вроде, утешаю и ободряю, и говорю, что не нужно пугаться сочинений великого русского писателя Льва Толстого, проклятого Церковью, других писателей и поэтов, и телевизор нужно почаще смотреть, тогда вообще ничего не будет страшно. После увиденного в телевизионной темноте, можно безстрашно взирать на кого угодно и на что угодно, хоть в глаза самому ч...

«А, страшно полностью написать кому, сокращаете в «ч...»? Зачем же нас пугаете тёмными зеркалами? Да и зачем нужны зеркала, если смотреть нужно прямо в глаза?»

Зачем зеркала? Затем, что, если пока ещё страшно написать его полное имя, то, чтобы потом уже ни что не удерживало. Затем, что зеркало человеческой души какую бы тёмную силу не отражало, всегда разбавляет её светом своего Богоподобия и тем смягчает конечный ужас. Затем, что тёмной силе нужно, чтобы в зеркале книги и в зеркале экрана, был всеми принят сказочный вий, а несказочный потом придёт сам.

Хотите, я вам процитирую описание сказочного, чтобы подготовить вас к встрече с настоящим? Но прежде чем его привести (описание, разумеется), хочу ещё сказать, что, читая

ранние сочинения Гоголя, мне поминутно приходилось креститься из-за мелькавших на каждой странице хвостов и рогов.

Мне могут сказать, что написанное или произнесённое слово ч... вовсе не означает его ч... присутствия. Но, дорогой читатель, три главы я распинаялся о том, как виртуальность становится реальностью. Неужели опять надо говорить о том же? Неужели опять наполнять свои страницы ч-щиной? Не надо? Тогда перекрестись и помолись, прежде чем читать эту цитату из Гоголя.

«Приведите Вия! ступайте за Виём!» раздались слова мертвеца. И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапного человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землею, ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

«Подымите мне веки: не вижу!» сказал подземным голосом Вий — и всё сонмище кинулось подымать ему веки. «Не гляди!» шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он, и глянул».

Гоголевское описание поразительно. То-то был художник. Но вот это выражение «лицо было на нём железное» просто потрясающе. Как можно было написать «лицо на нём»? Лицо это не шляпа и не пальто, чтобы быть на ком-то. По правилам русского языка надо бы сказать «лицо было у него железное». Понимал ли Гоголь, что писал? Случайно или намеренно он так выразился? Впрочем, вдохновенный художник пишет не из себя, но чутко прислушивается к «катящимся звуковым волнам». Помните это признание поэта Блока? Вдохновенный писатель, как и пророк, всего лишь записывает, что ему диктуют. Среди икон пророческого лика есть трогательное изображение пророка Аввакума, наострившего слух. Кого он слышит? Но правильнее будет спросить их всех, и пророков, и писателей, иначе: отцы, кого вы хотите услышать?

Гоголь весь соткан из противоречий. С кем бы его сравнить? Может, с иконописцем, который вдруг стал писать портреты. В жизнеописании Преподобного Льва Оптинского есть рассказ о некоем послушнике, нарисовавшем в иконописной мастерской чей-то портрет. «Зачем, - спрашивает старец, - ты это сделал?» «Я шалил», - отвечает тот. «Шалил? Он шалил?» - не может понять старец. - Посмотрите, братия, на этого шалуна. Тысяча человек было у него в миру в подчинении, и он пришёл в монастырь шалить...»

Одно из противоречий гоголевского творчества в том, что, говоря о вечном, он не мог не шалить. Откроешь его книгу прочитать о чём-либо возвышенном и прекрасном, чему Гоголь был, несомненно, причастен, а оттуда рой нечисти, только успевай от неё крестным знаменем отмахиваться.

Мы сравнили Гоголя с иконописцем, оставившим иконопись ради портретов. Но предположим, что выдуманный нами иконописец Гоголь, сохраняя верность своему призванию, писал бы одни иконы. Даже и тогда, как мне кажется, он бы не удержался от изображения бесенят.

«Но почему нельзя изображать бесов? - спросит читатель. - Разве мало их на святых иконах?»

Вид нечистой силы на иконе порою даже необходим для отображения борьбы, ведущейся в духовном мире. (*) Ибо для соединения с Церковью торжествующей, т.е. с Господом и Его святыми, с Божией Матерью и Ангелами, христианину приходится пробиваться сквозь сатану и бесов, сквозь строй *духов злобы поднебесных* (Еф.6:12). Для писателя Гоголя эта страшная, не на жизнь, а на смерть совершаемая борьба, словно игра.

В вышеприведённом описании видя Гоголь вполне единомысленно с тем, что мы читали у В.Н.Лосского о проблеме зла, одним только предлогом «на» даёт понять, что он совершенно в курсе диавольского маскарада и диавольских «воплощений». Вот учудил бы Николай Васильевич, если бы написал: лицо на нём было жидко-кристаллическое... Впрочем, он и без того очень многое сказал о вие: коренастый, в чёрной земле, лицо и пальцы железные. (**)

(*) Икона – окно в духовный мир. И факт того, что на недавно писанных иконах, в частности, на иконе новомучеников и исповедников Российских изображено нечисти больше, чем было её изображено за все предыдущие времена, говорит о том, что духовная погода за нашими окнами переменялась.

(**) Любопытно, что на убранных в металлические ризы иконах именно лик и персты оставляются открытыми.

«Вот он!» закричал Вий и уставил на него железный палец». Выражение «железный палец» вызвало из моей памяти книгу пророка Даниила, сон Навуходоносора и то, как он был истолкован пророком. *И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое* (Дан.2:42). Это четвёртое и последнее виденное во сне Навуходоносором царство, которое, как и предыдущих три, было разбито камнем, отторгнутым от горы без рук. Воцерковлённый читатель, конечно, знает, как сбылось пророчество Даниила. ««Камень нерукосечный от несекомья горы Тебе, Дево, краеугольный отсечеса, Христос совокупивый разстоящаяся естества. Тем веселящеса Тя, Богородице, величаем» (Ирмос 9-ой песни воскресного канона 4-го гласа).

А то, почему 4-е царство было показано во сне Навуходоносору сделанным в истукане частично из глины и частично из железа, толкует нам блаженный Августин: «Обращая в римских граждан галлов и египтян, африканцев и гуннов, испанцев и сирийцев, как могли императоры ожидать, что такого рода разноплеменная толпа будет верна интересам Рима?» Августин толковал применительно к своему времени, как и Гоголь написал «железное лицо» применительно к своему, но кто нам запретит гоголевское слово «железное» истолковать как «ЖДК в металлическом корпусе», а в толковании Августина заменить галлов и египтян на людей других национальностей, ближайших к России?

Гоголь написал «Вия» где-то в 25-летнем возрасте и почти все свои сочинения к 33-м годам. После началось мучительное внутреннее перерождение, едва не приведшее его в монастырь. Известно, что перед смертью он сжёг свои рукописи. Для писателя по призванию, каким был Гоголь, это, конечно же, подвиг. Также хорошо известно гоголевское тяготение к церкви и Богу, во всю жизнь им руководившее. Но об этом во сто крат лучше меня знает Владимир Алексеевич Воропаев, его и спросите.

Бесы и Достоевский

Мы же, подхваченные на крыло писаниями пророка Даниила, устремим орлиный взор (*) на русскую историю с тем, чтобы, по слову Апостола, *не приобщаться к делом неплодным тьмы, паче же и обличать. Бываемая бо отай от них, срамно есть и глаголати, или по-русски: ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть* (Еф.5:12-13).

(*) Чтобы читатель не подумал, что слова «орлиный взор» произнесены здесь серьёзно, я начал было подыскивать шпильку для самого себя, и решил в качестве такой шпильки показать, как приём «игры на понижение» действует в литературе. Гоголь, например, был великим его мастером.

«Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразась во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

«Держи, держи, дурак!» кричал Чичиков Селифану.

«Вот я тебя палашом!» кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. «Не видишь, леший дери твою душу: казенный экипаж!» И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка» (окончание 1-го тома «Мертвых душ»).

Гоголь сам был мастером такого рода переходов от возвышенному к обыденному, и, наблюдая их у других поэтов, у Державина, например, называл большой поэтической добродетелью. «Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. /.../

И смерть, как гостью, ожидает,

Крутя, задумавшись, усы.

Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожиданье смерти, с таким ничтожным действием, каково крученье усов? Но как через это ошутительней видимость самого мужа, и какое меланхолически-глубокое чувство остается в душе!» («В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность»).

Значит, этот приём хорош? Дорогой читатель, нет ничего на этом свете «хорошего» самого по себе, как нет ничего самого по себе «плохого». (***) Всё зависит от нашего отношения и разума. Можно с огромной пользой нападение врага выдержать и с новой силой на него ополчиться, а можно и дружественную помощь к своему вреду обратить.

Приём «принижения» служит к нашему благу, когда мы начинаем взлетать, и когда нас надо, что называется, на землю поставить. И такой приём плох, когда он намеренно создаётся автором. Гоголь это тонко чувствовал и у того же Державина подмечал: «Но надобно сказать, что как это, так и все другие исполинские свойства Державина, дающие ему преимущество над прочими поэтами нашими, превращаются вдруг у него в неряшество и безобразие, как только оставляет его одушевление. Тогда всё в беспорядке: речь, язык, слог, — всё скрыпит, как телега с невымазанными колесами, и стихотворенье — точный труп, оставленный душою». По замечанию Гоголя этот приём действует только при соответствующем авторском одушевлении. В противном случае, т.е. в отсутствие вдохновения, он превращается в неряшество. И легко понять, почему так происходит. П.ч. если нет одушевления, то нечего принижать. Святые отцы, занимающиеся изучением жизни, а не литературы, называют виновником этого «приёма» беса. Именно бес старается отнять у человека нашедшее на него в молитве или в творчестве возвышенное чувство. «Вставлять шпильки» это, конечно, работа лукавого, который всегда старается сбить, отвлечь, рассеять, ополнить, принизить, осмеять. Но эта бесовская работа обращается к нашей же пользе, когда нас начинает возносить и уносить невесть откуда надутым ветром. Хотя, конечно, по-

настоящему разгоняет бесовский мрак не ёрничество, но молитва. *Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс.117:11).

(**) «А телевизор? Тоже не хорош и не плох?» - спросили автора. «Телевизор, как и бес, - ответил автор, - свою работу, попущенную ему Богом делает. Непоправимая беда начинается, когда телевизор выключить не могут».

Хотя и готовили просветители (*) «воплощение» революционного демона в русском народе, но были при этом погружены в безмятежный Евангельский сон как сами просветители, так и тёмный народ, который нужно было просветить, а молитвы святых Божиих угодников защищали всех. Нужно было всех разбудить. Сперва пробудились от светлого церковного сна декабристы. Потом декабристы освободили от молитв и Евангелия других предателей царя и народа: Герцена, Толстого... Читатель, конечно, понимает, что этот сон – не сон, но пребывание под Божиим покровом, и не о предателях мы сейчас говорим, а о зеркалах.

(*) «Кто? Когда? Где об этом у вас написано?» - спросили автора. «Кто такие просветители? Это Радищев, Сумароков, Новиков и т.д. Откройте справочник», - ответил автор.

Толстой – зеркало русской революции? Почему же тогда Достоевский, подробно описавший все революционные приёмы в «Бесах», не назван ленинской гвардией своим зеркалом? Действительно, если кто и может быть назван зеркалом русской революции, то именно он, Достоевский, но революционеры избрали своим зеркалом Толстого. Почему?

Дорогой читатель, позвольте сделать небольшое отступление. Вы многократно слышали, как велика наша великая литература (ср.Деян.19:28), какими замечательными людьми были наши замечательные писатели. Добрыми, отзывчивыми, любвеобильными, сострадательными, великодушными... Мы не будем этого повторять. Не будем выяснять сложного вопроса о том, кто из них был более любвеобилен, а кто менее. Каждый из них получит свою награду от Господа, а не от нас. Но о писателе Достоевском мы поговорим особо и попытаемся показать, что его творчество ещё более, чем творчество Толстого заслуживает названия революционного. Этот разговор впереди, здесь же дан предуготовительный подзаголовок, тематически созвучный другим. Наберитесь терпения, читатель, и мы ещё заглянем с вами в творческое зеркало Достоевского.

Писатель – зеркало эпохи? Но Толстой с Достоевским писали почти в одно время. Стало быть, и отражения времени, если безоговорочно признать писателя зеркалом своего времени, должны были быть в их книгах почти одинаковыми? Но отражения вышли разными, потому что художник отражает не столько время, сколько дух, к которому обращено его сердце. И дух прежде всего. (*)

И чтобы закончить примеры с зеркалами, вспомним икону Архангела с диском в руке. Этот диск называется зеркало, и в нём – отражение Господа либо в виде буквенных монограмм ИС ХС, либо в виде Христа-Отрока. Писатели, конечно, далеко не архангелы, но они также служат слову, как Архангелы – Слову, а для нас, землеретных читателей, они почти небожители, взлетевшие ввысь на крыльях данных им от Бога писательских талантов.

У святых отцов, «недоросших» до наших зеркальных построений и жидкокристаллических образов, есть живой и простой пример пчелы и мухи, которые влетают в сад, и если первая ищет цветочный нектар, то вторая садится в навозную кучу. Но дело не в том, что часто бывает так, что нектар и навоз разлиты на одной и той же странице, а мухи и пчелы жужжат в одной и той же душе. Дело даже не в том, что мы часто восторгаемся мухой, а не пчелой, любуясь толщиной и обворожительным блеском её изумрудного брюшка, и хваля её за опрятное потирание лапками. Дело в том, что назвать муху пчелой, а собираемый ею навоз – мёдом, не должно прийти в ум здравому человеку. Но ведь пришло же. Величали пророком и учителем, и внимали ему, Льву Толстому, а не голосу церкви, как бы громко не обличал толстовских заблуждений всероссийский батюшка Иоанн Кронштадский. Хотя тогда этой мощнейшей воспитательной машины под названием телевизор в помине не было, были только газеты и книги. Так неужели я не прав, говоря, что недолго осталось нам ждать, когда наглость произволения грядущего человека беззакония будет провозглашена святостью, а сам он будет избран и посажен на мировой престол?

Однако всё это – писатели, читатели, зеркала, образы, сравнения – может быть, интересно и даже поучительно, но всё это на самом деле не то. Всё это не главное. Главное говорит Апостол Павел: *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению* (Фил.2:13). Вот какими Божиими талантами располагает христианин. Бог производит в нём Своё действие. Так какой ещё нам нужен писатель, какой поэт, когда Сам Бог пишет в христианах Своё Слово. Поэтому, продолжает Апостол, *все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни (**), к похвале моей в день Христов, что я не тщетно подвизался и не тщетно трудился* (Фил.2:14-16). Ни пустым сочинительством и читательством, но самой жизнью сиять и быть проводниками Божьего Света благожелает нам Апостол, давая в наши руки самое дорогое из всех зеркал – Евангелие.

Ко Господу Богу как главному Писателю и к производимому Им в нас писательству, мы давно хотим приступить, но всяческая ч-щина, то телевизионная, то художественная, не даёт нам этого сделать; и притягивает наши взоры то мёртвая панночка, то вызванный ею вий. Господи, помилуй! О, ужас нашего времени. Чтобы уберечься от взгляда этого ещё не вышедшего, но уже вызванного из-под земли коренастого крепыша нужен круг молитвы. Его за меня никто не начертит, и если я сам его не начерчу, то погибну.

(*) Весьма распространено такое выражение, что художник в своём произведении отразил дух времени. Но что такое «дух времени»? Это пример оксюморона. Слово «оксюморон» по-гречески значит «остро-глупое». Дух вечен, время скоротечно, поэтому выражение «дух времени» может означать «вечную временность» или «временную вечность».

(**) Слово *животно предержаще* – именно так звучат эти слова по-церковнославянски, и так они звучат правильнее, потому что словом «живот» исповедуется как в церковном, так и в русском языках Христос, Пришедший во плоти. А разве словом «жизнь» Он не исповедуется? Тоже, конечно, исповедуется, но уже в гораздо меньшей мере.

Кромешная тьма и Толстой

В начале главы мы, руководствуясь словами Апостола Иоанна Богослова, решили так распознавать писателей. Если писатель исповедует Христа пришедшего во плоти, значит его творчество можно считать приемлемым для христиан. Не исповедует, значит – не приемлемо. Но легко нам было так решить, да нелегко исполнить. Как узнать, исповедует или не исповедует тот или иной писатель Воплотившегося Бога?

Всё ясно, например, с Толстым, он от Христа отрёкся. А как быть с другими? Да и с Толстым как быть? Куда деть его книги и портреты, висящие в школах и бросающие на юные души взоры, предавшие Христа? (*) Ребёнку вредно смотреть в эти глаза, да и взрослому человеку небезопасно вглядываться в светящиеся темнотой толстовские портреты.

Кстати говоря, гоголевская повесть «Портрет» может послужить ярким примером того, как через образ действует личность. Для тех, кто не читал этой повести, скажу, что в ней рассказывается история портрета некоего ростовщика. Всякий, кто приобретал портрет, приобретал характер первообраза. Повествование начинается с того, как портрет был куплен художником Чартковым (**) в картинной лавочке на Щукином дворе из-за необыкновенного вида глаз. «Это были живые, это были человеческие глаза! Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека и вставлены сюда. Здесь не было уже того высокого наслажденья, которое объёмлет душу при взгляде на произведение художника, как ни ужасен взятый им предмет; здесь было какое-то болезненное, томительное чувство».

Живыми глазами нас теперь не удивишь. Мы видим их в телевизоре. И они для нас ещё более притягательны (***), чем портретные глаза, потому что меняются ежесекундно. Но если в 19-м веке для придания живости нарисованному взгляду от художника требовались немалый труд и умение, то в 21-м веке эта живость стала зависеть от качества телеаппаратуры.

(*) «В самом деле, куда прикажете деть «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы», «Войну и мир»?» - спросили автора по прочтении этих слов живые, а не выдуманные им читатели. Со свойственной ему прямою автор ответил: «Можно взять их в ад вместо Псалтири».

(**) «Чартков» не от слова ли «черта»? Не хотел ли Гоголь этой фамилией указать на некую черту, которую переступил Андрей Петрович Чартков? Как и само именование нечистого не от «черты» ли происходит? Кстати, схожую с фамилией гоголевского художника носил секретарь Л.Н.Толстого Чертков.

(***) «Вот как? Эти ужасные, пустые, безсодержательные глаза, отражающие все букеты порочных страстей, владеющих этими несчастными человеками, для нас притягательны?» - спросили автора. «Я говорю о теленаркоманах, которых и среди христиан предостаточно», - ответил он.

Возникает вопрос: если изображённые на портрете глаза были так совершенны, что казались живыми, то почему они вызвали у художника чувство томления вместо того, чтобы вызвать восхищение? Гоголь устами своего персонажа так отвечает на этот вопрос: «Что это? невольно вопрошал себя художник. Ведь это однако же натура, это живая натура: отчего же это странно-неприятное чувство? Или рабское, буквальное подражание природе есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком? /.../ Почему же простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету, и не чувствуешь никакого низкого впечатления; напротив, кажется, как будто наслаждался, и после того спокойнее и ровнее всё течет и движется вокруг тебя. И почему же та же самая природа у другого художника

кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе. Но нет, нет в ней чего-то озаряющего. Всё равно как вид в природе: как он ни великолепен, а всё недостает чего-то, если нет на небе солнца».

Мне кажется, дорогой читатель, что, размышляя о свойствах картин и производимом ими впечатлении, Гоголь говорит о гораздо большем, чем о живописи. Мне кажется, что гоголевскую мысль можно продлить бесконечно далеко и сказать, что самый ад есть состояние «буквального подражания натуре», но, не имея в себе «чего-то озаряющего», он остается низким и грязным. Всё там, в аду, как здесь, на земле, всё является точной копией созданного Богом мира, только без солнца на небе – Солнца Правды, Христа Бога нашего.

Здесь рассуждения художника Чарткова заканчиваются, и он «опять подошел к портрету с тем, чтобы рассмотреть эти чудные глаза, и с ужасом заметил, что они точно глядят на него. Это уже не была копия с природы, это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшего из могилы». Помните, какой увидел панночку Хома Брут? «В ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами». И в панночке, и в ростовщике мертвенность – живая, и эта мертвенность – глядит.

Гоголь прав, дорогой читатель: ад жив. Ад глядит и манит. И невозможно противостоять его властно зовущей к себе силе без силы молитвы. (*) Действие же адской силы Гоголь с присущей ему наблюдательностью описывает так. «Он тихо отошел от портрета, отворотился в другую сторону и старался не глядеть на него, а между тем глаз невольно сам собою, косясь, окидывал его». В Чарткове возникает то же чувство, с каким Хома Брут смотрел на мертвую панночку: и страшно, и томительно, но удержаться, чтобы не смотреть, нет сил. Помните, как это было у Фомы? «Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному поперечивающему себе чувству, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз».

(*) На тему адского влечения, неодолимого без помощи молитвы, у писателя Андрея Платонова есть образ рыбака, который утопился только потому, что хотел знать: а что там? «Созерцая озеро годами, рыбак думал все об одном и том же – об интересе смерти. Захар Павлович его отговаривал: «Нет там ничего особого: так, что-нибудь тесное». Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро, связав себе ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть. Втайне он вообще не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть». «Котлован» и «Чевенгур» А.Платонова не о том ли самом? Только уже не рыбак, но целая страна бросилась узнавать, связав себе руки и ноги веревкой, можно ли жить без Бога? Об этом же говорит Д.Хармс в рассказе «Сундук».

Далее в повести рассказывается, как художник увидел жуткий сон с выпрыгивающим из портретной рамы стариком-ростовщиком. Интересно, какой сон увидел бы впечатлительный Чартков, пообщайся он с нынешним телевизором только один воскресный вечер? Кто бы сегодня выпрыгнул на него из телевизионной рамы? Сам ч...? Впрочем, этот не выпрыгнет из телевизора до назначенного ему времени «ч», иначе телезрители в ужасе разбегутся.

Пословица говорит, что «не так страшен ч..., как его малюют». Это, конечно, неправда, живой ч... несоизмеримо страшнее намалёванного. И потому гораздо умнее самой пословицы вышла её переделка: «Не так страшен ч..., как его малютки». Эти милые малютки потому страшнее самого ч..., что привлекают к себе и соблазняют, или на святоотеческом языке говоря, прельщают простодушных читателей.

Поворот Толстого к тёмной силе произошёл не сразу. Было время, когда и в его творчестве отражались Божии лучи. Когда же произошёл поворот от света к тьме? Где провести черту в книгах писателя, чтобы можно было уверенно сказать, что досюда их читать можно, а отсюда уже никак нельзя? Апостол Иаков отчитал бы нас за такой вопрос. С самого начала этих записок он предостерегал нас от душевных и земных мудрований, ставя их в один ряд с бесовскими. Мы же его не послушались, и вот до чего договорились. До попыток разграничить писания богохульника Толстого на очень и не очень хульные. Тогда как Апостол говорит: *один источник не может изливать соленую и сладкую воду* (Иак.3:12). Сердце писателя как источник слов не может одной своей половиной изливать полезные, а другой половиной – бесполезные для читательской души слова. Поэтому все без исключения сочинения Льва Толстого – душевредны, только в разной мере: ранние сочинения в меньшей, поздние в большей. Толстого разграничить нельзя.

Но не хочет ум смириться с этой мыслью, бунтует негодный. А вот мы его к стенке припрём, вернее, на крыше Иерусалимского храма поставим, между Апостолом Иаковом и писателем Львом Толстым в тот самый час, когда фарисеи и книжники кричали собравшемуся внизу народу: «Сейчас праведник, которому мы все должны верить, скажет вам, что вы заблуждаетесь, считая Иисуса Сыном Божиим». А затем обратились к святому Иакову: «Скажи нам по истине, что ты сам думаешь о Христе?» На что святой ответил громким голосом: «Что спрашиваете вы меня о Сыне Человеческом, Который добровольно потерпел страдание, был распят, погребен и на третий день воскрес из мертвых? Он ныне сидит на небесах одесную Вышнего и снова приидет на облаках небесных, судить живых и мертвых». После этих слов они в злобе и ярости сбросили Иакова с кровли храма на страх всем, чтобы не верил народ словам святого. (*)

(*) Жития святых Святителя Димитрия Ростовского. Октябрь. Двадцать третий день.

С кем ты, трепещущий ум? С Апостолом Иаковом? Или с толпой фарисеев, среди которых выделяется писатель Лев Толстой? Или скажешь, что ты с Апостолом и с писателем одновременно? Не обманывайся, так не бывает, надо выбрать одного из двух. А если не выберешь, будешь безрезультатно болтаться между Апостолом и Толстым, в очередной раз доказывая бескомпромиссную правоту первого: *Муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак.1:8).

Зеркала темнеют постепенно. Но и полная темнота, ещё не чернота. Вот и мы, касаясь советской истории, говорили, что даже в коммунистической темноте можно увидеть свет. Что же? Мы тогда двоедушничали? Да, конечно, *свет во тьме светится, и тьма его не объят* (Ин.1:5). В какой угодно темноте, даже в самой тьмущей и непроглядной можно увидеть Свет Божий, только не в кромешной. Кромешная же темнота – темнота «кром~~е~~», темнота «за чертой» – начинается там, где на Бога смотреть не могут. С той самой границы, где Божий Свет вызывает только ненависть, начинается тьма кромешная. Разумеется, что это не та внешняя граница, где бы стоял часовой на посту. Эта граница – внутренняя, и пролегает она внутри человеческого сердца.

Но если постового к этой границе не поставишь и шлагбаума не укрепишь, то, как нам быть? Как нам узнать, с какого дня Божий Свет начал невыносимо резать пронзительно-острые глаза графа Толстого? Влезть же в писателя, чтобы узнать, когда он оказался не просто в темноте, но во тьме кромешной, мы не сможем. Опять одни вопросы. Нет чтобы по-

хорошему раз и навсегда отвернуться от творческого наследия этого предателя Христова. Разбирайся теперь с этим...

Мне кажется, что вопрос с Толстым скоро решится сам собой, как решится он с Гоголем, Достоевским, Блоком, Есениным, другими нашими классиками. Скоро русские люди перестанут читать свою литературу. Взрослые перестают её читать, становясь взрослыми, а дети не будут читать, если их силком не заставишь, но скоро их уже и силком не заставишь. Да и что это за чтение из-под палки? Разве бывает любовь по принуждению?

Вы, может, думаете, дорогой читатель, что я сейчас начну скорбеть о том, что скоро мы перестанем читать нашу родную словесность? Может, думаете, что начну громить нынешние книжные прилавки, к которым православному человеку неприлично подходить? Или думаете, что начну бить тревогу о стремительном падении нашего культурного уровня? Но после критического обзора, который мы с вами совершили, не удивляйтесь, читатель, тому, что я скажу: может, и хорошо, что мы перестанем читать? Может, меньше будет в голове образов и мечтаний? Меньше доступа для нечисти, больше времени для молитвы.

«Так неужели, батюшка, вы радуетесь тому, что мы скоро разучимся читать, а затем и думать?» - спросит удивлённый читатель.

Не радуюсь я, но плачу, потому что знаю, что если мы перестанем читать классику, то молиться от этого чаще и чище не будем, что мечтаний несколько не уменьшится, что Священное Писание зачитываться до дыр не будет, что будет по-прежнему включен телевизор, а читаться будет всякая чушь. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» мечтал о том времени в России,

«Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого -
Белинского и Гоголя
С базара понесет».

Как же наивен, если не сказать большего, был поэт Некрасов. И что же это за предательская муть разлилась тогда по душе Руси? Что же это за время было такое гнилое, что не устраивало никого: ни дворян, ни разночинцев, ни крестьян, когда, казалось бы, должно оно было быть самым безмятежным, самым благополучным временем, и одно только должно было быть у всех на уме: живи да радуйся, да Бога благодари?

Если бы поэт Некрасов действительно переживал за русский народ, а не за свои глупые идеалы, то учил бы его Богу молиться и царя чтить. И сам бы за свой народ молился, и Белинского бы то же делать заставлял. Теперь же ничего не вернёшь. Теперь уже никогда не понесёт мужик с базара не только Гоголя с Белинским, но и «глупого милорда», потому что устался он в телевизор. Потому что двери с петель сорваны. Двери русской цивилизации сорваны с церковных петель и брошены наземь. Русский дом стоит с выломанными дверьми, и живущие в нём живут на сквозняке. Однажды сойдя с камня Священного Писания на зыбкий песок литературы, Русь пошла и поехала к обрыву.

Есмирнисмено вино

Ведала или не ведала российская интеллигенция, что она творила, но своё злобное дело она сделала – сдвинула с церковного фундамента российский дом.

Теперь в фундамент вместо церкви кладут культуру. Безсмысленная затея, потому что на культуре разума не укрепишь. Потому что разумному человеку нельзя брать в учительницы

культуру: она много ошибается и врёт. Потому что нелестливой учительницей жизни может быть только церковь. Потому что культура это по сути своей – порождение и нагромождение бесчисленных образов, тогда как молитва это – безобразная мысль. Иначе говоря, культура это обращение к Богу из глубины словесных, музыкальных, живописных, научных, исторических и т.д. образов, тогда как молитва это – обращение души к Богу напрямую.

Свет, который нам несёт культура, есть на самом деле тьма. *А если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф.6:23). Зачем же смотреть во тьму? Зачем, имея дарованное от Бога духовное зрение, не развивать его, но тратить на пустые и вредные зрелища? Зачем надевать тёмные очки? Чтобы сберечь глаза в яркий полдень? Но от какого солнца надо их сберечь? От Солнца правды Христа Бога? Значит, надо признать, что Его Свет режет наши духовные очи.

«Что же нам теперь? Книжки художественной не почитать и кино не посмотреть?» - спросит раздосадованный читатель. - И всё время молиться?»

Непрестанно молитесь (1Фесс.5:17). Или это уже не для нас Апостол сказал? Святитель Иоанн Златоуст так объясняет этот Апостольский стих: «Вдумайтесь, что значит: *непрестанно*. Это значит: всегда, во всякое время, и днём, и ночью, и вечером, и утром, и в полдень, и во всякий час, и за работой, и в пути, и в поле, и за сохой, и ложась спать, и вставая ото сна. Не откладывая молитву на воскресенье или на праздник, не выбирай для неё места! Божество не ограничивается местом: *в руке Его вси концы земли* (Пс.94:4)». (*)

(*) Святитель Иоанн Златоуст. Слово о лжепророках, и лжеучителях, и об еретиках..., т.8, с.748. Здесь и далее Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого цитируются по изданию Свято-Успенской Почаевской Лавры, 2005 г.

«Батюшка, нет сил непрестанно молиться», - горестно промолвит читатель.

А вы думаете, у меня они есть? Могу признаться, что нечасто с охотой открываю Священное Писание, хотя бывают и такие счастливые минуты, и почти всегда понуждаю себя на молитву. И никак не могу залечить в себе литературной страсти. По-хорошему плюнуть бы на всё это культурное наследие, стащить его в дальний угол огорода своей души, накрыть рубероидом и оставить перегнивать как словесное удобрение для духовных грядок, терпеливо ожидая, когда *Господь даст благость, и земля наша даст плод свой* (Пс.84:13). Но терпения нет. Как Дон Кихот, бросился сражаться с призраками от литературы, желая убедить читателей, что ничего хорошего в их рассматривании нет. Но одинаково суетно: как сражаться с ними с помощью других образов-призраков, так и угождать им любованием. Лучше решительно отринуть всё. Да, будет нелегко, да, будет ломка, как у наркомана, потому что, так называемые культурные люди на культуре, как на игле, сидят.

Думал, с чём же сравнить это непреодолимое иной раз желание книжку почитать и кино посмотреть? Так вот же сравнение – винопитие. В малых и редких дозах полезное, оно за некой чертой становится наркотиком. Ни один разумный родитель не станет приучать своего ребёнка к вину, почему же приучает к образам? Потому что если вред первого очевиден, то вред второго как узнать? А так и узнать, что современный человек уже не может трезво и безобразно мыслить, что современный христианин мучительно не может молиться без образов, которые не столько бесы, сколько он сам рисует в своём уме. С детства пьянствующий образами ум долгое время, если не всю свою жизнь, не может понять, что

Евангелие это не просто книга, но Божественное Откровение, читая которое, нужно отключать воображение, мешающее проникновению в душу Божественного Света.

Мне кажется, что раньше люди не умели так изощренно и безостановочно воображать, как это делает современный человек, воспитанный на телевизионной культуре. Раньше жили, так сказать, натуральным умом, т.е. как и Апостол Иаков учит: *Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас: «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению (Иак.5:12)*. А нынче в великом множестве разбрасываются кругом лживые обещания, начиная от рекламы и кончая предвыборными программами государственных руководителей. (*) Поэтому и Евангелию не могут поверить по-детски просто, не могут читать его, ничего не домысливая. «Не может быть, чтобы всё было именно так», - произвольно думает современный христианин, и делает машинальную поправку на невероятность сказанного в Евангелии, принимая его не целиком, но удобными для себя частями.

(*) Могут ли выборы проходить без предвыборных обещаний? *На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом (Ин.1:35-37)*. И они молча идут за Ним, не смея ни о чём спросить Его. Да, и о чём они могли спросить? Скажи нам, кто Ты? Верно ли, что Ты – Агнец Божий? Но почему бы им было не спросить об этом Господа? Потому что ответить на такие вопросы невозможно. Т.е. ответить, конечно, можно, но поверить ответу нельзя. Потому что судить о человеке можно и нужно не по тому, что он сам о себе говорит, но по тому, что он делает и как поступает. Единственно верная оценка человека – не слова его, а дела. Поэтому на вопрос Господа: *чесо ищета?* (в русском переводе: *что вам надобно?*), они не спрашивают Его: Кто Ты? Чем занимаешься? Правда ли, что Ты – Мессия? Не спрашивают, какова Твоя предвыборная программа, как сейчас принято спрашивать у кандидатов в народные избранники, и кандидаты начинают усиленно рекламировать самих себя. Апостолы вообще ни о чём не спрашивают Господа, кроме единственного: *Учителю, где живешь?* Святые Андрей и Иоанн в согласии с своим натуральным, немечтательным, безобразным разумом избирают самый надежный способ узнать истину о человеке, т.е. узнать о нём гораздо больше, чем он сам о себе скажет – увидеть, как он живёт. *Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот.* Итогом же этого посещения стали слова, сказанные Апостолом Андреем своему брату, Симону: *мы нашли Мессию.*

После разрушения натурального хозяйства планомерно разрушается натуральный ум. После истребления крестьянства и сельской жизни истребляется жизнь как таковая. С уничтожением привязанности человека к земле уничтожается сама земля. Поголовное пьянство образами. Жизнь оторванными от земли людьми воспринимается не такой, какой она является на самом деле, но такой, как её покажут в рекламе и кино.

Так пить или не пить? Читать или не читать? Смотреть или не смотреть? Не пейте бодягу, дорогие. Не читайте и не смотрите художественной сивухи. Пользуйтесь проверенными сортами вин многолетней выдержки, и в самом умеренном количестве. Как виноградное, так и художественное вино должно определять не столько на вкус, запах и цвет, сколько по действию на ум. Качественное вино, по слову Писания *веселит сердце человека*

(Пс.103:15). Так же хорошее художественное вино возвышает ум, будит совесть, не возбуждает низменных инстинктов и гордости.

Господь, когда *давали Ему пить вино со смирною* (Мк.15:23), не принял его. По одним толкованиям потому, что напиток был горек, по другим – потому, что обладал дурманящим действием. Как бы там ни было, Господь не сразу отказался, но *вкушъ, не хотяше пити* (Мф.27:34), т.е., будь вино неплохим, Господь не отверг бы его. Но вино оказалось скверным, и Господь предпочёл терпеть жажду, нежели омрачить Свой разум нечувствием.

Культура міра сравнима с таким дурманящим ум *есмирнисмено* вином. И «человеколюбивый» мір, подчёркивая свою заботу, постоянно протягивает *губу оцта* (Мк.15:36) распятым христианам. Поэтому на вопросы: пить или не пить, читать или не читать, смотреть или не смотреть, я развожу в недоумении руками. Если никак нельзя без выпивки, пейте качественное вино. Не читайте и не смотрите культурной дури. Пользуйтесь русско-советской классикой, пока она есть, пока не наступила последняя информационно-телевизионная тьма по всей земле. Какова она будет?

Но прежде всего изучайте Священное Писание. И читайте отечественную, а не переводную словесность. А то дело доходит до того, что приехавшим в семинарию на сессию священникам-заочникам, преподаватель Догматического богословия, сам священник, говорит: «Отцы, непременно прочтите «Расторжение брака» и своим прихожанам советуйте». Преподаватель, видимо, искренне считал себя продвинутым, раз советовал читать рассказы Льюиса, а не творения Святителя Иоанна Златоуста. Но если священник настолько широк во взглядах, что советует читать художественную литературу, так советовал бы лучше своего Достоевского, чем иноверного Льюиса. Да уже просто потому советовал бы Достоевского, что «Расторжение брака» в сравнении со «Сном смешного человека» это 3-й класс в сравнении в 10-м, а «Письма баламута» это интеллектуальные аглицкие забавы против «плоти и крови» «Бесов».